

Часть 1. Логика вещей

#1 имя вещи

Единичная вещь соотносится с универсалией, например, Сократ с универсалией "человек". Это соотношение нужно мыслить не раз навсегда данным, а всякий раз заново осуществляемым в высказывании. Соотношение между универсалией и единичной вещью может осуществляться двояким образом: или как переход от единичной вещи к универсалии (индукция), или как обратный переход от универсалии к единичной вещи (экспозиция). Как и большинство античных логических терминов термин "экспозиция" (греч. $\epsilon\kappa\theta\epsilon\sigma\iota\sigma$) имеет в античности независимое применение в математике¹. Здесь под экспозицией понимается такая процедура, когда, например, от высказывания о треугольнике просто, то есть о треугольнике вообще, переходят к рассмотрению конкретного "вот этого" единичного треугольника ABC. Эта процедура является необходимым условием любого античного геометрического доказательства². Каков механизм математической экспозиции? Легко видеть, что математическая экспозиция осуществляется посредством буквенных обозначений вроде "ABC" для треугольника. Обозначение "ABC" является собственным именем треугольника и связывает универсалию с единичной вещью следующим образом: с одной стороны этим именем именуется единичность, которая может быть отличена от любой другой единичности, скажем от треугольника ВСЕ, а с другой стороны это же самое имя в рамках той же теоремы может быть присвоено и всякому другому единичному ("вот этому") треугольнику, отвечающему условию теоремы. Если принять во внимание, что ни универсалия, ни единичная вещь не мыслимы вне отношения друг к другу, то становится ясно, что именование входит в саму структуру дискурса о вещах и вопрос об этом дискурсе не может ставиться без рассмотрения именованного. Итак, экспозиция, состоит в том, что некоторое собственное имя присваивается единичной вещи, однако при этом подразумевается, что то же самое имя может быть присвоено и любой другой единичной вещи, попадающей под ту же универсалию.

То же самое отношение между универсалией и единичной вещью, рассмотренное в обратной последовательности — от единичной вещи к универсалии — представляет собой индукцию. Утверждение о треугольнике (вообще) представляет собой индукцию по единичным "вот этим" треугольникам, каждому из которых может быть присвоено одно и то же имя. Ни универсалия, ни единичная вещь попадающая под эту универсалию, не существуют независимо друг от друга и независимо от именованного, которое задает отношение между ними. Не только универсалия не мыслима без единичных вещей (ведь нельзя говорить о треугольнике вообще, не умея указать хотя бы на один "вот этот" треугольник), но и, наоборот, единичная вещь не мыслима иначе как поименованная универсалия: не имея понятия о треугольнике вообще, мы никогда не сможем указать ни на один "вот этот" треугольник.

¹ Einarson B. On Certain Mathematical Terms in Aristotel's Logic The American Journal of Philology 57 (1936)

² См. А.Родин Теорема // Вопросы философии (в печати)

#2 бесконечность и неопределенность

Верно ли говорить, что под универсалию попадает *бесконечное число* единичных вещей, например под универсалию "треугольник" бесконечное число единичных треугольников?

Возможны различные понимания этого тезиса, которые следует обсудить отдельно.

1) Можно полагать, что бесконечное число единичных вещей дано в универсалии *актуально*. Это неверно, поскольку единичная вещь, попадающая под данную универсалию, конституируется только посредством именованя, имен же всякий раз может быть задано только конечное число.

2) Можно полагать, что бесконечное число единичных вещей дано в универсалии *потенциально*. Это тоже неверно, поскольку дискурс может различить не только всякий раз конечное, но и ограниченное число имен и, следовательно, единичных вещей. Число имен ограничено возможностями алфавита, используемого для записи имен, возможностями человеческой памяти и рассудка. Самые сложные геометрические конструкции не могут содержать число элементов (актуально выделенных), превышающее несколько десятков. Компьютеры сильно расширяют эти возможности, но отнюдь не делают их безграничными. Компьютеры наоборот наглядно показывают разницу не только между большим и бесконечным, но и между доступно большим и недоступно большим. Именно в связи с компьютерной математикой в последнее время остро дискутируются проблемы финитизма. Для каждой данной универсалии невозможно назвать максимальное возможное число выделенных единичных вещей. Однако отсюда не следует их потенциальная бесконечность. Когда мы в воображении прибавляем ко всем выделенным единичным вещам еще одну, мы на самом деле не мыслим ни одной единичной вещи, поскольку "совокупность уже выделенных единичных вещей" также как неопределенная "единичная вещь" не мыслятся при этом как "вот эти", то есть как единичные вещи. Поэтому такая процедура не является основанием для того, чтобы считать число единичных вещей, попадающих под данную универсалию, потенциально бесконечным. Таким же образом нельзя наверняка сказать как долго может прожить тот или иной человек. Однако это не значит, что продолжительность жизни каждого человека потенциально бесконечна.

Итак, для всякой данной универсалии мы имеем, с одной стороны, определенное число актуально выделенных под ней единичных вещей, а с другой стороны, некую неопределенность выделения, которую однако нельзя отождествлять с возможностью (понятой в смысле гарантии успеха) выделения новых и новых единичных вещей. Эта неопределенность и является основанием эмпиричности любых оценок возможностей выделения³.

#3 виды различия и тождества, именование и переименование.

Как мы сказали, именование в дискурсе о вещах осуществляется таким образом, что всякое присвоение имени единичной вещи, предполагает возможность *переприсвоения* того же

³ Заметим, впрочем, что говоря о потенциальной бесконечности, мы интерпретировали это понятие так, как это обычно делается в современной философии математики по отношению к обоснованию классического анализа у Вейерштрасса. Аристотель, который впервые различил актуальную и потенциальную Аристотель, по всей видимости, понимал потенциальную бесконечность иначе. Аристотелевская *dynamis* не может быть вейерштрассовской возможностью как гарантией успеха, поскольку по Аристотелю возможность вторична по отношению к действию. Поскольку мы выше использовали подобный аргумент, наша интерпретация бесконечности как неопределенности, возможно, является более близкой к аристотелевской.

имени другой единичной вещи, попадающей под ту же универсалию. Это условие не позволяет отождествлять единичные вещи с их именами. Таким образом, нам приходится говорить о *других единичных вещах*, различая их *не по имени*. Вместе с тем мы говорим, что всякая единичная вещь конституируется своим именем и не существует как таковая без своего имени. Как это возможно? Заметим, что говоря о том, что данное имя может быть присвоено другой единичной вещи, мы все же мыслим эту другую вещь уже поименованной — тем же самым именем. То есть и здесь вещи мыслятся не отдельно от имен, но в связи с именами. Называя вещь именем "А", мы говорим, что эта вещь может быть иной вещью. Но это не значит, что мы различаем две, три или какое-то другое число вещей. Мы различаем вещи, которых нет, которые еще только возможны. И, подчеркнем, такое различие необходимо для того, чтобы конституировать, отождествлять и различать между собой вещи. Таким образом различаются два вида различия вещей: (I) различие по имени единичных вещей данной универсалии (например, точек А и В) и (II) различие, которое является условием конституирования этих единичных вещей посредством именования. Различие (II) мы будем называть *виртуальным* различием⁴. Различие (I) мы традиционно называем *нумерическим* различием⁵.

Нумерическое различие вещей нужно также отличать от их (III) *номинального* различия. Нумерическое различие вещей есть различие вещей одного рода по именам, а номинальное различие есть различие имен нумерически тождественной себе вещи. То есть номинальное различие предполагает *переименование* вещи. Нумерически одна и та же вещь до переименования и после отличается от себя номинально. Процедуры первичного именования и последующего переименования вещи существенно различны, поскольку первичное именование предполагает лишь виртуальное тождество вещи, а последующее переименование — уже ее нумерическое тождество. Это и позволяет различать нумерическое и номинальное различия. Номинальное различие вещей в отличие от виртуального и нумерического различий вместе взятых тем, что оно различает не сами вещи, а различает в вещах определенные их элементы, в данном случае имена.

Такой же характер имеют различия универсалий вещей: (IV) *генерическое* различие вещей или различие вещей по роду и (V) *специфическое* различие вещей или различие вещей по виду. Мы говорим об универсалии и имени как об элементах вещи пока чисто синтаксически: например, вещь "точка А" "собрана" из универсалии "точка" и имени "А". Эта универсалия может быть родом или видом. Универсалия является видом, когда она предполагает род. В противном случае она является родом. То есть специфическое различие отличается от генерического тем, что предполагает различаемое тождество, именно тождество рода, тогда как генерическое различие не предполагает такого различаемого тождества. Ниже мы будем говорить об этом подробнее.

Соответственно, нужно говорить о пяти видах тождества, которые предполагаются дискурсом о вещах: нумерическом, виртуальном, генерическом и специфическом. Нумерическое тождество вещи это тождество конституированной именованной вещи, виртуальное тождество вещи это тождество именуемой (предполагаемой именованием) или *виртуальной* вещи, номинальное тождество вещи это тождество ее имени, генерическое

⁴ Виртуальный (virtual) - относящийся к существу дела или производящий эффект, но не названный и не фактический. От средневеково-латинского "virtualis" - обладающий мощью - см. Webster's New Encyclopedic Dictionary 1996

⁵ Поскольку такое различие единичных вещей различает их по числу (например, "первый" и "второй" треугольники), но не различает их по виду.

тождество вещи это тождество ее рода, специфическое тождество вещи это тождество ее вида.

#4 историческое и доисторическое прошлое

Мы говорим, что виртуальная вещь есть неименованная вещь или, точнее, вещь до именованья. Причем это "до" мыслится необходимо вместе с вещью, позволяя отличать вещь от ее имени и ее рода: у всякой конституированной вещи мыслится ее "до" именованья. Заметим, что это "до" не может быть редуцировано ни к какому "теперь", как если бы мы рассказывали какую-нибудь историю, последовательно представляя в "теперь" более ранние и более поздние события. Всякая вещь, о которой рассказывается история имеет свое "до" вне истории. Переименования, напротив, совершаются в порядке истории: можно рассказать о том, что вещь сначала называлась так, а затем стала называться иначе. Таким образом, виртуальная вещь располагается в доисторическом прошлом всякой исторической или наличной вещи. Доисторическое прошлое является абсолютным прошлым в отличие от относительного исторического прошлого, которое по отношению к каким-то событиям является настоящим, а по отношению к другим — будущим.

#5 род и вид

Заметим теперь, что виртуальная вещь это не только вещь без имени, но и вещь без рода — это *неродившаяся* вещь. Универсалия может быть родом или видом, но всякий вид оказывается родом, если отвлечься от отношения этого вида к тому роду, видом которого он является. Скажем, универсалию "треугольник" вещи "треугольник ABC" нужно считать видом рода "фигура", если иметь в виду определение треугольника как фигуры определенного вида, и нужно считать родом, если отвлечься от этого определения. Поэтому универсалию в бинарной структуре вещи "универсалия-имя" можно всегда считать родом, если не рассматривать отношения этой универсалии к другим универсалиям. Вообще, вид вещи устанавливается на основании ее свойств уже после того как установлена сама вещь, а род вещи так же как и ее имя устанавливается вместе с самой вещью. Действительно, мы не можем никак указать на род, не предъявив вещи этого рода, то есть не можем указать иначе, чем как на элемент вещи. Если мы дадим определение рода, он окажется уже видом другого рода. Род не определяется определением, но подобно тому как имя отличается от других имен и отличает себя этими отличиями, род отличает себя отличиями от других родов. Таким образом, род и имя устанавливаются вместе с вещью и род не устанавливается раньше имени (и наоборот). Поэтому, например, о "виртуальной точке" можно говорить только условно, рассматривая последовательность установления рода и имени в порядке истории: так как если бы вещи сначала было приписано быть, например, точкой, а уже затем иметь имя "А". Однако порядок именованья является доисторическим, а не историческим, точнее, в доисторическом прошлом вещи мы вообще не находим порядка. Это прошлое оказывается как доисторическим, так и дологическим: виртуальная вещь оказывается совершенно неопределенной вещью, не имеющей ни рода, ни имени. Заметим, что об определенности и неопределенности говорится в разных смыслах. Вещь не имеет определения, поскольку определения имеют только виды, а роды и имена нет. Однако о вещи говорят что она есть "нечто определенное". Например, треугольник ABC есть нечто определенное, даже если мы не интересуемся определением треугольника. ("Прямая а" в современной математике есть нечто определенное, хотя прямая здесь неопределяемое понятие.) Итак, различается (I) *логическая* определенность, предполагающее видовое определение, и (II) *реальная* определенность, предполагающая структуру род — имя. Виртуальная вещь не имеет не

только логической, но и реальной определенности. Она есть *апейрон*. Отталкиваясь от структуры реальной определенности можно различить в апейроне (I) генерическую и (II) нумерическую неопределенности. Генерическая неопределенность есть неопределенность ответа на вопрос "что это такое?", если понять его по-детски и ждать в качестве ответа не определения, а названия. Например: "Что это такое?"; "Точка". Нумерическая неопределенность есть неопределенность ответа на вопрос "как их зовут?" Именно эта неопределенность есть "бесконечность множества", которую мы обсуждали выше, поскольку в качестве имен могут быть всегда взяты порядковые числительные.

#6 имя и род

Имя и род оказываются подобными элементами в структуре вещи, и возникают вопросы об отличии этих двух элементов, об их функции и взаимодействии. Кажущийся очевидным ответ на первый вопрос, согласно которому род отличается от имени тем, что род (название рода) обозначает универсалию, а имя — единичную вещь, столь же очевидно неверен. Имя связано с единичной вещью не больше и не меньше чем род: разные вещи имеют один и тот же род не чаще и не реже, чем одно и то же имя. И, как мы показали, эта возможность называть разные вещи одним и тем же именем необходимо предполагается именованием точно так же, как возможность разных вещей иметь один и тот же род необходимо предполагается рождением (то есть установлением рода — ниже мы оправдаем эту на первый взгляд не имеющую отношения к делу игру слов). Поэтому всякое имя не менее универсально чем всякий род. Просто удивительно, как логики и лингвисты, занимающиеся собственными именами, игнорируют этот лежащий на поверхности факт. Дело, очевидно, в том, что единство вещей одного рода является сущностным, "природным", тогда как единство вещей, имеющих одно и то же имя, является произвольным и случайным. А поскольку предмет науки это природа и сущность, омонимия оказывается ненаучным предметом. Выяснить природу и сущность омонимии невозможно, поскольку у омонимии нет ни природы, ни сущности. Выше мы установили нечто вроде сущности омонимии, показав ее необходимую роль в дискурсе о вещах, однако это не сущность, а псевдо-сущность, поскольку она не подчиняет омонимию никаким правилам, не делает ее функцией. Есть правило, согласно которому в рамках одного математического рассуждения одними и теми же обозначениями нельзя обозначать разные вещи, но нет правила, согласно которому в разных рассуждениях одними и теми же обозначениями *нужно* обозначать разные вещи. Это *можно* делать, но это ни в каком смысле не является обязательным. И это случается. Случается по чисто эмпирическим причинам, например, потому, что удобнее пользоваться минимальным алфавитом и не изобретать новые алфавиты без необходимости. Но если бы этого не случилось, математические вещи и связанные с ними математические рассуждения были бы невозможны.

Остановимся еще на одном специальном варианте дискурса о вещах, а именно на личном дискурсе. Логический термин "род" в случае личного дискурса имеет свой этимологически первоначальный смысл: род в дискурсе о людях — это фамилия человека⁶. Генерическое тождество и генерическое различие здесь задается фамилией. Нумерическое тождество и различие задается личным именем. Таким образом, выражение "Андрей Родин" имеет ту же структуру что и выражения "треугольник ABC" и "это дерево", а именно структуру "род — имя" (неупорядоченная пара). В современной ономастике не дается никакого объяснения

⁶ Ср. Бозций Комментарий к Порфирию кн.2 // Бозций "Утешение Философией и другие трактаты" М.1990

тому очевидному факту, что в каждом языке имеется только очень ограниченный набор личных имен. То, что в каждом человеческом сообществе имеется много людей, носящих одно и то же имя, рассматривается здесь как случай омонимии, противоречащей принципу именования, согласно которому каждый индивид должен иметь уникальное имя. Как и в случае с математическими именами, можно указать только на эмпирические причины этого явления, например, на моду. И действительно, омонимия, как мы уже говорили не может быть названа необходимой. Однако то обстоятельство, что имя "Андрей" не является только моей собственностью, необходимо для конституирования меня как единичного человека: оно позволяет отличить меня от этого имени. Так же как и в математическом дискурсе здесь вместе с выделением меня под именем "Андрей" мыслится упущенная возможность переименования: меня могли назвать и иначе, а имя "Андрей" могли дать моему брату. Поэтому условием выделения людей как единичных вещей является наличие в каждом языке (и даже за пределами отдельных языков) конечного, хотя и определяемого только эмпирически перечня употребительных личных имен. Личный дискурс, как мы уже говорили, приспособлен для частных отношений между людьми. Прежде всего — внутри семьи, где все имеют одну и ту же фамилию. Этому как раз приблизительно отвечает число личных имен, одновременно находящихся в употреблении.

Переходя теперь к рассмотрению фамилий, прежде всего повторим применительно к личному дискурсу сказанное выше применительно к другим вариантам дискурса о вещах: дело не обстоит здесь таким образом, что сначала есть единичный человек, а потом его относят к какому-то роду (фамилии). Единичный человек не конституируется без своего рода так же как единичный треугольник не конституируется без рода "треугольник". Отдельно "Андрей" не есть единичность так же как отдельно "АВС" или отдельно "этот". Род в дискурсе о людях может пониматься не обязательно биологически, хотя такое понимание рода и является наиболее распространенным. Другой, тоже распространенный и скорее всего не менее древний способ определения рода в дискурсе о людях — топический, когда род задается местом рождения человека (например, Франциск Асизский, Пифагор Самосский). Нетрудно указать на условия применимости этих двух вариантов выделения рода в дискурсе о людях: первый имеет локальное значение, когда различаются генетические линии людей, населяющих один и тот же топос, а второй применим для глобального дискурса, когда можно различать топосы. Поэтому вторым способом называются только известные люди.

Что касается топонимов, то это скорее роды, чем имена, что и дает возможность топического указания рода в личном дискурсе. Это также означает, что топосы являются родами вещей, а не вещами. Поэтому случаи омонимии среди топонимов более редки, чем среди личных имен. Однако случаи омонимии есть и среди топонимов, и среди фамилий, и среди эмпирических родов, то есть "имен нарицательных". Заметим, что и топонимы, и фамилии становятся именами при переходе от локального к глобальному (для топонимов) и от частного к публичному (для фамилий) дискурсов. В выражении "город Москва" "Москва" оказывается именем так же как и фамилия "Родин" в выражении "господин Родин". Наричательные имена тоже могут становиться собственными и наоборот. Это ставит проблему соотношения между различными вариантами дискурса о вещах и говорит об определенной относительности имени и рода.

Выше мы говорили, что роды похожи на собственные имена тем, что (в отличие от видов) они различаются только между собой и не предполагают различаемого тождества (что не исключает того, что такое тождество может быть установлено впоследствии). В случае личного дискурса подобие собственного имени и рода видна особенно наглядно: "Андрей Родин" это фактически двойное имя. Однако именно личный дискурс позволяет нам четко

увидеть и различие между родом и именем. Личное имя единичного человека дается *по произволу* (из перечня употребительных имен) — его биологическими родителями или воспитателями. В отличие от личного имени, фамилия никем не дается по произволу, но *наследуется* согласно фиксированным традицией правилам. В случае когда род выделяется не биологически, а топически, речь тоже не идет о произволе, поскольку место рождения человека есть свершившийся факт его биографии. Имя дается *искусственно* (хотя и в согласии с обычаем), а фамилия или топический род даются *естественно* — по факту рождения от данного отца и/или матери или по факту рождения в данном топосе. То же самое мы имеем и в математическом дискурсе. "Треугольник ABC" есть "по природе" или "по своей сути" треугольник, а имя "ABC" принимается "по соглашению", действующему в пределах данной теоремы. (Однако и в математическом именовании как и в именовании людей есть свои обычаи, в частности обычай называть треугольники по их вершинам тремя заглавными латинскими буквами.) В эмпирическом дискурсе "это дерево" есть "по сути" дерево, а "этим" оно является по соглашению. "Город Москва" есть город по сути и Москва по соглашению. Таким образом, в дискурсе о вещах род всегда получается естественно, при-родно, а имя присваивается искусственно. Противоположность естественного и искусственного входит в структуру каждой вещи вместе с различием ее рода и имени.

#7 виды и свойства

Вернемся теперь к понятию *вида*. Как мы уже говорили, виды являются вторичными элементами по сравнению с родами и именами, поскольку выделение вида предполагает выделение единичных вещей, то есть структуру род — имя. Вид тесно связан с другим вторичным элементом, о котором мы тоже упоминали выше — *признаком* или *свойством*. Единичная вещь РИ, выделенная под родом Р именем И, относится к виду РВ рода Р в том и только в том случае, когда она имеет некоторое данное свойство В. Свойство В называется в этом случае различающим признаком вида РВ. Однако понятие свойства шире понятия вида: всякий вид задается некоторым свойством (своим различающим признаком), но не всякое свойство может задавать вид. Свойство не может быть различающим признаком вида, либо если оно является необходимым для данного рода (всякая вещь, выделенная под данным родом, обладает этим свойством), либо если оно является случайным (одна и та же вещь может как обладать, так и не обладать этим свойством). Примеры для рода "треугольник": (I) необходимое свойство — сумма внутренних углов равна двум прямым; (II) случайное свойство (для единичного треугольника ABC) — треугольник ABC вписан в окружность DEF; (III) специфическое (являющееся различительным признаком вида) свойство — равенство сторон.

Что же такое свойство единичной вещи? Если подойти к вопросу непредвзято, то тот факт, что вещи имеют свойства, покажется удивительным и каким-то лишним. Действительно, роды и имена конституируют мир вещей. Что недостает миру *вещей без свойств*, чтобы вещи еще приобрели свойства? Уж во всяком случае не разнообразия: мир вещей без свойств это мир всевозможного разнообразия, а вовсе не однообразный мир, как это кажется на первый взгляд, поскольку вещи отличаются друг от друга не своими свойствами, а родами и именами, тогда как любые свойства кроме случайных, наоборот, всегда являются общими для множества вещей. Свойства однообразят, а не разнообразят мир вещей. Что мешает вещам просто *быть* и заставляет их еще *быть такими-то*?

Попытаемся внимательнее присмотреться к тому, что здесь происходит. Начнем со специфического свойства. Пусть опять под родом Р именем И выделена единичная вещь РИ. Что значит, что эта вещь имеет специфическое свойство В? Это значит, что тем же именем И

под видом РВ рода Р выделяется вещь РВИ, причем считается, что нумерическое и генерическое тождество вещи сохраняется — мы говорим, что РВИ это *та же самая* вещь, что и РИ. Например, если треугольник ABC обладает свойством попарного равенства сторон, то тот же треугольник есть *равносторонний треугольник ABC*, где "равносторонний треугольник" — вид рода "треугольник", имеющий различительный признак "попарное равенство сторон". С точки зрения логического объема специфическое тождество оказывается промежуточным между генерическим и нумерическим: род делится на виды, а под видом как под универсалией выделяется неопределенное число единичных вещей. В соответствии с этим специфическое свойство оказывается промежуточным между родом и именем: при образовании вида данного рода единичные вещи этого рода, отличающиеся только своими именами, отождествляются по различительному признаку вида, а сам род различается по этому признаку.

Вспомним теперь, что род отличается от имени как природное от искусственного. Специфическое свойство оказывается промежуточным между родом и именем и в этом отношении. Предположим, что треугольник ABC оказался равносторонним, но он мог и не быть таковым. Правда, в данном случае мы не говорим, что один и тот же треугольник может быть и не быть равносторонним — он или равносторонний или нет. Зато если речь идет о *случайном* свойстве, то дело обстоит именно так. Предположим, что Андрей Родин имеет кривой нос. Он мог бы оставаться собой и не обладая таким свойством (например, нос может быть выпрямлен хирургическим путем или нос мог быть с рождения прямым, а затем сломан и искривлен). Поэтому случайное свойство ближе к имени, чем к роду. Возможна даже ситуация, когда случайное свойство заменяет собой имя. Так случайное свойство быть старшим в семье используется как личное имя в выражении "Родин Старший". И все же случайное свойство мыслится "более природно", чем имя: то, что человек является старшим в семье или то, что у него искривлен нос, в конце концов является некоторым "естественным" фактом (хотя такого рода факты могут быть результатом чужого произвола точно так же, как и в отношении присвоения личного имени). Наоборот, *необходимые* свойства относятся целиком к роду и способны замещать собой род (однако не всегда, а тогда, когда *только* данный род обладает этим свойством). Сказанное станет еще прозрачнее, если мы просто заметим, что необходимые свойства суть свойства рода (треугольник имеет сумму внутренних углов, равную двум прямым), случайные свойства суть свойства единичных вещей (треугольник ABC вписан в окружность DEF), а специфические свойства с одной стороны суть тоже свойства единичных вещей (треугольник ABC — равносторонний), а с другой стороны эти свойства могут быть отнесены к роду (равносторонний треугольник), что и дает вид.

Итак, свойства суть промежуточные элементы между родом и именем, причем промежуточными (центральными) среди среди свойств являются специфические свойства. Конституирование свойств (и в особенности специфических) можно понять как попытку снять противоположность между природностью рода и искусственностью имени.

#7 изображения и знаки

Изображение вещи имеет с изображаемой вещью ряд общих свойств. Будем называть этот набор свойств *образом* применительно к изображению и *прообразом* применительно к изображаемой вещи. Кроме того, понятие изображения предполагает, что образ абстрагируется, берется отдельно. Например, определяющим для изображения человека

является наличие определенного вида контура, а то, каким образом произведен этот контур, на какую основу он нанесен, понимается как «дело техники». *Знак* отличается от изображения тем, что указывая как и изображение вещи на некоторую вещь (которую мы будем называть *обозначаемой* вещью), не имеет в общем случае с этой вещью общих свойств. Например, запись "Андрей Родин" обозначает меня, однако она, по всей видимости, ничем не похожа на меня и вообще не похожа на человека. Сделаем важное уточнение. Напишем еще раз: "Андрей Родин". Вторая запись отлична от первой — не по своему виду, а нумерически; две "одинаковые" записи суть различные вещи, которые выделяются именами "первая" и "вторая". Значит, нам нужно различать, с одной стороны, нумерически тождественные себе вещи-знаки и, с другой стороны, общий вид "одинаковых" записей, который мы будем называть *символом*. То, что знак "Андрей Родин" означает некоторую вещь, как бы превращает специфическое тождество символа "Андрей Родин" в нумерическое. Однако это не всегда так. Например, знак "человек" не означает никакой единичной вещи, однако в качестве знака он ничем не отличается от "Андрея Родина". "Означать" так же как и "изображать" означает абстрагировать свои свойства, не зависеть от своей единичности, от своего "экземпляра". Причем такая абстракция в случае обозначения является более сильной, чем в случае изображения, поскольку изображения обычно понимаются все-таки как нумерически тождественные себе, а знаки — как только специфически тождественные, то есть как символы. Так само тождество изображают как "A=A", не уточняя, что речь в таком случае идет именно о специфическом, а не о нумерическом тождестве.

Если изображения одной вещи имеют общие свойства не только между собой, но и каждое из них — с изображаемой вещью (когда такая вещь есть), то знак не имеет с означаемой вещью общих свойств. Однако со знаком связано еще одно понятие, а именно понятие *смысла*, которое мы понимаем по Фреге⁷. Знак "Андрей Родин" не имеет смысла, поскольку означает единичную вещь. (Будем также по Фреге называть единичную вещь, обозначаемую знаком, *значением* этого знака.) Однако знак "человек" имеет определенный смысл — когда мы понимаем "человека" не в качестве рода, а в качестве некоторого вида, то есть ищем для "человека" определение. Таким образом, смысл есть абстрагированное свойство, но не свойство знака, каковым является символ, а свойство значения знака. При переходе от изображений к знакам образец распадается на символ и смысл, поскольку свойства знака и его значения не являются общими как в случае образа и прообраза. Переход от значения к смыслу есть вторая абстракция после перехода от знака к символу. Так же как и в случае изображений ничто не мешает тому, чтобы знак был собственным значением. Причем в этом случае знак необходимо будет иметь смысл, поскольку первая и вторая абстракция совпадут.

Связь образа и прообраза основана на специфическом тождестве их общего свойства. Это свойство понимается "природным" способом: прообраз имеет "по природе" такое-то свойство, которое затем искусственно воссоздается в образе. Связь знака и его значения случайна и произвольна. Свойство знака иметь данное значение и свойство значения иметь данный знак являются случайными — это произвольное столкновение двух разных вещей. Это аналогично примеру со случайным свойством треугольника — быть вписанным в данную окружность, где произвольно сталкиваются треугольник и окружность. В случае обозначения мы имеем дело не только со свойствами знака и свойствами значения, которые являются такими же "природными" как свойства образа и прообраза, но и с разделяющим их случайным свойством-сопоставлением или свойством-столкновением или свойством-чужеством. Именно оно различает символ и смысл. Изображающий себя мир отвлекает (абстрагирует) от себя свои специфические свойства и уравнивает себя этими

⁷ Г. Фреге Избранные работы М.1997

свойствами-образцами, которые связывают природные прообразы и искусственные образы. Обозначающий себя мир помещает природность и искусственность вещей (структура род-имя) уже не в вещи, а в их свойства. Хотя, наверное, можно говорить о том, что знаки обычно являются скорее искусственными, а значения обычно скорее естественными, однако это не является необходимым для обозначения, а только показывает возможность регресса от обозначения к изображению. Как отдельные вещи знак и значение не различаются по шкале природности-искусственности. Само различение вещей на знаки и значения является поэтому произвольным.

#8 речь как событие

Теперь мы подошли к моменту, когда необходимо вернуться к началу рассуждения и начать его заново. Что значит, что элементами вещей являются роды и имена? Что здесь понимается под элементами, что делает возможным их выделение? Если запись "Андрей Родин" есть знак меня, то род (фамилия) и имя суть не что иное как части знака. Говорить о роде вообще и о имени вообще можно после того как даны отдельно "этот род" и "это имя", то есть после того как имя и род стали отдельными вещами, а именно знаками. Если роды и имена суть знаки, то есть вещи особого рода, то определяя вещь через род и имя, мы попадаем в порочный круг. Мы прекрасно понимаем, что вещи и названия вещей это разные вещи. Это яблоко и запись "это яблоко" это разные вещи. Это яблоко, пока оно не названо "яблоком" и "этим", есть неопределенная виртуальная вещь, которая, однако, не мыслится без вещи "это яблоко". Поэтому виртуальная вещь есть момент этого яблока и любой другой вещи. Об этом мы подробно говорили выше. Но теперь обратим внимание на другую сторону дела. Слова "это" и "яблоко" и словосочетание "это яблоко" могут быть помыслены без вещи "это яблоко". Ведь когда я пишу "это яблоко" с кавычками или без, я в действительности не указываю своей рукой читателю на какое-то яблоко и при всем желании не могу этого сделать, поскольку мои руки заняты письмом, а глаза читателя — чтением. Мы (автор и читатель) не только не имеем дела с одним и тем же яблоком, но вообще не имеем дела с одними и теми же вещами — я имею дело со своим компьютером, а вы со своим печатным текстом. Мы имеем дело с одними и теми же *писанными* словами. А тождество писанного слова, очевидно, есть *специфическое* тождество записей — на экране дисплея моего компьютера и на листе бумаги, который вы держите перед глазами. То есть, по данным выше определений, писанное слово (например, слово "яблоко") есть символ, тогда как всякая единичная запись есть знак.

Однако в системе фонетического письма, которой мы пользуемся, всякое писанное слово указывает на устно произнесенное слово, всякий элемент письма — на элемент устной речи. Но что такое тождество устного слова и всякого другого элемента устной речи? На первый взгляд кажется, что в устной речи мы имеем некую систему обозначений, параллельную системе письменных обозначений и независимую от нее: одна система составлена из звуков (слышимостей), а другая — из видимостей. Однако это не так, поскольку слово устной речи, слово-звук не есть единичная вещь-знак. Такая вещь не может быть выделена. Говоря "эти звуки (которые я сейчас произвожу)", речь не конституирует вещей, поскольку здесь отсутствует "до" наименования: этот звук не имеет своего доисторического прошлого и поэтому он не именуется, не выделяется как вещь, а только манифестирует себя. Манифестировать не значит называть. И отсутствие доисторического прошлого не может быть компенсировано историческим прошлым если кто-то попытается назвать ранее услышанные звуки речи — поскольку, как мы уже замечали, всякая история вещей предполагает сами вещи вместе с их доисторическим прошлым. Говоря же "эти слова

(которые я сейчас произнес)", речь называет *писанные* слова, взятые из словаря или из *памяти*. Довольно очевидно, что речь не находится в необходимой связи со звуками (слышимостями) так же как и письмо — с видимостями. Известна жестикационная речь глухонемых: по отношению к слову-жесту этой речи справедливо все сказанное выше о слове-звуке устной речи. Существуют технические средства *звукозаписи*, которые производят вещи-звуки, в том числе и звуки-знаки. Однако и до и после появления граммафона звуки речи записываются человеческой *памятью*, когда мы учимся говорить на родном или иностранном языке. Поэтому ни фонетическое письмо, ни звукозапись не необходимы для того, чтобы речь могла выделить писанные слова-знаки. Мы, привыкшие к фонетическому письму, наверное, плохо можем ощутить вещьность звучащего слова, однако для всякого субъекта бесписьменной речи эта вещьность должна быть столь же очевидна, как для нас — вещьность графического слова. Эта единичная вещь содержится в индивидуальной памяти и она не есть общий вид таких вещей, содержащийся в коллективной памяти. Звучащая вещь это слово, которое мы вспоминаем, а не слово, которое мы произносим. И вспоминаем мы не слова услышанной речи, поскольку слово речи это не вещь. Речь нельзя ни запомнить, ни записать, точнее записанная и запомненная речь есть уже не речь, а вещь — знак. Мы в детстве учимся не только говорить, но и учимся запоминать и повторять слова. Тот факт, что услышанное слово можно запомнить или записать, а затем повторить вслух оказывается удивительным. Он означает, что нет чистой речи, которую *затем* можно запомнить и повторить. Чтобы речь можно было запомнить, она должна с самого начала быть речью по памяти, чтобы речь можно было записать, она с самого начала должна быть чтением вслух. Это значит, что память (письмо) является моментом мышления наряду с речью, а не просто пассивной способностью. И значит, что повторение речи является сложной работой мысли. Неправда, что повторить речь может попугай или магнитофон. Чтобы убедиться, что попугай или магнитофон повторяют слова, нам нужно самим помнить эти слова. В противном случае, слыша звукозапись, мы не будем слышать повтора. Магнитофон или попугай в данном случае заменяют наши голосовые связки, а не нашу память. Но верно и обратное: писанное или запомнившееся слово немисливо без речи. Действительно, писанное и запомнившееся слово вне своего отношения к речи ничем не отличается от всякой другой вещи: и всякую другую вещь мы либо имеем под руками, либо помним о ней. Очевидно, именно речь делает слово словом. Кроме того, как мы говорили, вещь, чтобы быть вещью, должна быть названа. Поскольку название конституирует всякую вещь, невозможно, чтобы оно само было вещью. Название, как мы выяснили, предполагает помимо называемой вещи еще вещи-слова (две такие вещи — имя и род), однако чтобы все эти вещи были конституированы, нужно само название. Это название и есть речь. Речь — это **событие** столкновения называемых вещей и называющих вещей-знаков. Выше мы говорили о случайности имени, противопоставляя ее постоянству рода. Однако ясно, что всякое слово случайно: случай и ничто другое соединяет яблоко и слово "яблоко". Случайность столкновения имени и рода при назывании вещи только повторяет в языке случайность столкновения называемой вещи и называющего эту вещь слова. Вторичное столкновение слова-имени и слова-рода указывает на первичное столкновение вещи-слова и вещи-неслова и таким образом указывает на сами эти вещи, забытые под ворохом своих свойств. Дело не обстоит таким образом, что сначала есть вещи, а потом они сталкиваются. Вещи-слова и вещи-неслова конституируются в событии речи. Событие речи составляет доисторическое прошлое вещей. Но нельзя сказать, что событие речи рождает вещи, поскольку это только одна сторона дела. Событие речи одни вещи рождает, а другие изобретает или "пишет": одни вещи оказываются природными, а другие искусственными, выдуманнными, одни "самими по себе", а другие несамостоятельными, одни

тождественными себе, другие иные самим себе. Самостоятельные вещи мы называем значениями, а несамостоятельные — знаками. И та же асимметрия, как мы видели, снова повторяется в языке, когда природность рода противопоставляется искусственности имени. В горизонте события речи природные вещи не являются скорее вещами, чем знаки и, в частности, слова. Поэтому, вообще говоря, неверно противопоставлять вещи и слова. Нужно противопоставлять природность и искусственность вещей. И неверно противопоставлять речь письму: речь, как мы ее здесь понимаем есть в точности письмо. Нужно противопоставлять событие-речь или событие-письмо природным вещам и искусственным вещам-знакам, участвующим в этом событии. Структура события речи необходимо требует соударения природных и искусственных вещей, что делает невозможным чисто природный и чисто искусственный дискурс. Само соударение не природно и не искусственно: оно абсолютно случайно и абсолютно фатально. Оно случается. Но оно не является причиной чего-либо еще: событие это не причина, а сам эффект рождения, изобретения и столкновения вещей.

Искусственен знак речи, а значение, напротив, существует само по себе: знак "яблоко" я только что сам написал, а само яблоко выросло само. Поэтому событие речи является искусственным по отношению к знаку и природным по отношению к значению.

#9 язык как среда

Событие речи есть случайное столкновение знака и значения. Связи знаков и значений фиксируются в *языке*. Точнее, язык фиксирует связь свойств знаков (символов) и свойств значений (смыслов). Однако свойства вещей не существуют без самих вещей. Поэтому фиксированность слова языка предполагает случайность слова речи и всегда остается относительной. *Фиксация* есть медиация природной и искусственной сторон события речи. Фиксированное слово языка полу-природно, полу-случайно. С одной стороны, фиксация всегда уже произведена в прошлом, но, с другой стороны, это всегда не доисторическое прошлое порядка именованья, а историческое прошлое порядка переименования. Фиксированные знаки языка немедленно ставят проблему платоновского "Кратила": является ли их порядок природным или искусственным? Язык есть **среда**, коммуникация есть осреднение, уравнивания природы и знака в их свойствах. Именно в этом отношении язык противоположен речи. Речь есть событие, подчиняющее одни вещи другим. Природные вещи *существуют* сами по себе, но *имеют* свои имена. Имена не существуют сами по себе, они существуют не сами по себе: имена имеются.

Мы назвали язык средой. Среда возможна между чем-то и чем-то. Свойство опосредует природную вещь и вещь-знак. Слово языка (символ) опосредует слова-знаки речи. Слово-знак памяти каждого говорящего опосредуется словом коллективной памяти. Вне языка речь не лична и не индивидуальна. Таким же образом вещь без свойств не является, вообще говоря, единичной вещью: чтобы выделить единичную вещь, нужно, чтобы существовало множество подобных вещей, в противном случае мы не будем знать, что мы выделили — единичную вещь или вид вещей. Чтобы говорить о случайности и фатальности связи природной вещи и знака, нужно иметь также в виду возможность некоторой иной связи — между вещью и ее свойством. В противном случае можно говорить только о самотождественности природной вещи и самоинаковости знака. Сама возможность какой бы то ни было связи между вещами (и только в частности — между различными субъектами речи) дается не речью, а языком. Связи вещей в языке — не природны и не случайны. Слова языка — это просто свойства, которые как и знаки речи ничем не являются сами по себе, поскольку принадлежат другому. Когда речь говорит словами языка, она берет одни слова

языка более или менее случайным, а другие более или менее необходимым образом. В первом случае получаются собственные, а во втором родовые имена.

#10 среда и событие вообще

Теперь нам нужно расширить понятие языка до общего понятия *среды*. Ведь язык мы понимаем как знаковую среду, а вещь оказывается знаком или природной вещью только в порядке речи. Мы говорили, что условием конституирования природной вещи речью является наличие у этой вещи ее доисторического прошлого: называя вещь, речь выделяет ее из апейрона. Такое же доисторическое прошлое должно быть и у имен и вообще у знаков: называющий знак всегда *уже* изобретен так же как и называемая вещь всегда *уже* существует. Доисторическое прошлое природных вещей и знаков предполагается речью. Среда дает вещам их *историческое* прошлое, их *географию* и вообще их относительность. Среда это историческое и географическое *место* вещей и, значит, место события речи. По отношению к знакам среда является знаковой средой или языком, по отношению к природным вещам среда является природной "окружающей средой". Однако знаковая среда (язык) это не просто знаки, а природная среда это не природа (что важно для экологической проблемы). Знаковая среда это историческое место вещи, поскольку, как мы уже говорили, знаки языка фиксированы в историческом порядке *переименования*, а не установлены в доисторическом порядке именованя. Природная среда это географическое место вещи, но не место вещи в абсолютном (космическом) пространстве. Среда едина вне своего отношения к речи: это речь проецирует на среду свое различие природы и знака. Причем по самому определению среды результат этой проекции оказывается "смазанным": различие между географией и историей уже оказывается не таким радикальным как различие между природой и знаком; историческая среда оказывается квази-природной, а географическая среда — квази-искусственной и полной квази-знаков. Впрочем, единство среды нужно понимать очень условно, поскольку вне отношения к некоторому опосредуемому множеству понятие среды не имеет смысла.

Эти рассуждения можно также обобщить в следующем направлении. Речь (обозначение) это не единственный вид события, хотя всякое иное событие сопровождается событием речи, когда о нем говорят. И всякое событие имеет место в соответствующей среде. Например, социальные события только частично совпадают с событием речи и имеют место в социальной среде, которая тоже только частично совпадает с природно-знаковой (историко-географической) средой события речи. В частности, отношения власти и стоимости хотя и очень похожи на речевое отношение обозначения, однако, по всей видимости, ему не тождественны.

Часть 2 Топология событий

#11 перворечь и история

Аристотелевский аргумент, согласно которому свойства вещей не существуют без самих вещей, например, свойство быть белым без белого Сократа, не покажется убедительным, если обратить внимание на язык. Ведь всякое слово языка существует — если вообще существует — в своем специфическом тождестве, то есть как свойство. Конечно, всякое слово языка при всяком употреблении бывает как-то представлено — фонетически, графически или в памяти (при внутренней речи), однако произнося, записывая или вспоминая слово, мы изготавливаем

вещь-знак с заданными свойствами, а не получаем эти свойства в качестве определений уже изготовленной вещи. Можно возразить, что слово языка есть абстракция от знаков отдельных речений, и что когда мы произносим слово языка, мы изготавливаем не вещь с заранее существующими свойствами, а вещь, подобную другой вещи. Другими словами, когда мы говорим, мы всегда подражаем чужой речи, а язык есть абстракция, отражающая эту ситуацию. Однако этот аргумент начинает противоречить сам себе, когда мы оказываемся вынужденными признать существование некоторой *перворечи*, которая сама ничему не подражает и которой подражают все остальные речи. Принимая во внимание факт множественности языков, мы заключаем, что таких перворечей должно быть много, если только не считать, что от одной и той же перворечи могли абстрагироваться разные ее свойства. Картину еще более запутывает то обстоятельство, что различие языков является всегда условным и никакой язык не существует в природно "чистом" виде. Впрочем, это скорее технические трудности, недостаточные чтобы всерьез поколебать гипотезу перворечи: различие языков может мыслиться как недостаток, восполнимый либо за счет возвращения к некоторому природному праязыку, созданному перворечью и являющемуся прототипом современных "искаженных" языков, либо за счет воспроизведения самого акта перворечи и изобретения "правильного" искусственного универсального языка, лишенного недостатков и трудностей так называемых естественных языков.

Однако против гипотезы перворечи существует и более основательный контрдовод, связанный с омонимией: чтобы именование было случайным (а именование в перворечи должно быть чисто случайным, поскольку оно не подражает именованию в другой речи), не только именуемая природная вещь должна обнаруживаться в своем доисторическом прошлом, но и именующий знак должен обнаруживаться в своем историческом прошлом. Причем, если именуемая природная вещь обнаруживается в своем доисторическом прошлом как неопределенная виртуальная вещь, то есть как чистое существование без всякого "как" этого существования, то знак в своем историческом прошлом обнаруживается наоборот как символ языка, то есть как чистое "как" без существования.

Это значит, что нет, никогда не было и не могло быть никакой перворечи, а действительно *всякая* речь подражает другой речи, или, лучше сказать, всякая речь есть речь на некотором языке. Не только язык не существует без речи — это, разумеется так, ведь нелепо говорить, что какое-то слово существует, если его никто никогда не произносил — но, что менее очевидно, и речь невозможна без языка. Язык не только делает знаки речи условно необходимыми, как нам необходимо сказать именно "дерево", если мы, находясь в русскоязычной среде, хотим указать на дерево и хотим, чтобы нас поняли, но делает также знаки речи безусловно случайными, допуская омонимию.

Во-вторых, когда говорят о перворечи, очевидно, путают исторический и доисторический порядки и безосновательно ставят первый в зависимость от последнего. Речь, как мы уже показали, предполагает как доисторическое прошлое называемой вещи, так и историческое прошлое называющего знака. Но если понимать доисторическое прошлое буквально, как нечто имевшее место до начала истории, то само начало истории и то, что ему предшествовало оказывается в некоторой метаистории, и мы попадаем в дурную бесконечность таких метаисторий. Доисторическое прошлое представится потерянным в истории и возникнет нелепая надежда снова восстановить его в истории. На самом деле всякое место исторично, а доисторическими являются сами вещи без места. И чтобы докопаться до доисторического прошлого вовсе не нужно идти вглубь истории, а нужно, наоборот, игнорировать историю. Никаким усилением относительного исторического прошлого нельзя обрести абсолютное доисторическое прошлое. История не имеет начала,

она всегда продолжается. История состоит из *переименований*, *переинтерпретаций*, *реформ* и *революций*. Начать историю можно только мифом, то есть сплавом исторического и доисторического. Таковы и греческие, и библейские мифы с переходными фигурами вроде греческих героев и библейских патриархов.

Всякое событие, поскольку оно имеет место в истории, теряет свою уникальность и оказывается репетицией прошлого или будущего (но не становится бесконечной репетицией первособытия как в мифе). Поэтому уникальное событие — то, которое не имеет места. Итак, всякое имеющее место именование есть вместе с тем переименование. Неправильно мыслить в историческом порядке, что мы сначала нечто именуем, а затем переименовываем. Чистое именование невозможно так же как и чистое переименование. И исторический порядок переименования, и доисторический (природный) порядок именованья составляют разные стороны одного имеющего место события.

Выше мы покусились на чистоту события со стороны истории, но было бы нелепо защищать чистоту истории перед событием. Однако защищать чистоту истории вряд ли кому даже придет в голову, поскольку очевидно, что события и только события составляют историю. И сам рассказ истории есть некоторое событие речи. Вопрос, который нас здесь интересует, состоит только в месте этих событий. Как только мы начинаем говорить о событиях, мы расставляем их по своим местам. И тем самым, как уже говорилось, события теряют свою уникальность и становятся в ряду других. Чтобы дойти до уникальности события, нужно не рассматривать его как событие, имеющее место. Нужно вообще не говорить о событиях, а говорить о вещах.

#12 топология

Как устроена среда? Среда вообще и языковая среда в частности? Постановка такого вопроса начинает некоторую новую коллизию среды и события, языка и речи. Один путь состоит в том, чтобы именовать элементы среды как квази-вещи и строить науку о свойствах этих вещей. Этим путем идет классическая математика и лингвистика. Однако понятно, что таким образом специфика среды теряется: эффекты среды, которые и должны были бы интересовать нас здесь в первую очередь, оказываются маргинальными, и в результате возникает квази-естественная наука, которая выдерживает свою меру репетиции первособытия, но говорит все же не о среде, а о вещах. Другой путь состоит в том, чтобы наблюдать эффекты среды в различных ситуациях и прежде всего в самой логике, а затем их как-то систематизировать. Конечно, таким образом мы не избежим того же самого — представления элементов среды в качестве квази-вещей — однако эти квази-вещи нас будут интересовать не постольку, поскольку они суть вещи, а поскольку они суть именно квази-вещи, и, главное, мы получим некое общее знание о структуре среды, соотносимое с логикой как знанию о структуре события (понимая логику расширительно не только как знание о структуре события речи, но как знание о структуре события вообще). Термин для такого рода знания уже имеется — это *топика*. Топику так же как и логику мы понимаем здесь расширительно, но прежде всего будем говорить о топике языка. Очевидно, во всякой среде имеется некоторое множество различных мест или топосов. Собственно, когда мы говорим о различных средах, мы имеем в виду различные крупные участки одной и той же среды. Таким образом, проблема различия сред, по всей видимости, сводится к проблеме различия топосов среды. Как в среде могут выделяться и различаться топосы?

Выделение топоса это, конечно уже не просто топическое, но *топологическое* мероприятие: топос должен быть назван. Но, кажется, называя, мы называем вещь и упускаем ее топос. Однако это не совсем так. Присмотревшись к названию вещи, мы найдем, где ее топос. В

начале первой части мы установили, что название вещи состоит из двух частей — ее собственного имени и имени ее рода. В дальнейшем при анализе отношения именованного нам было уже не нужно рассматривать эту двойную структуру, поскольку, как мы сказали, соотношение собственного имени и имени рода есть только некоторая проекция на язык соотношения знака и обозначаемой им природной вещи в событии речи. Проанализировав сначала проекцию события, мы затем перешли к анализу самого события, забыв о двойственности именованного. Для структуры события различие родового и собственного имени не является таким существенным как различие имени вещи и самой вещи, знака и его значения. Родовое имя для абсолютной структуры события оказывается только неточным именем, которое дает предварительное и приблизительное указание на вещь, указывая ее класс подобия, с тем чтобы потом искомая вещь была выделена именно в этом классе. Род показывает *где* искать вещь, а сама вещь выделяется своим собственным именем. Поэтому в абсолютной структуре события род редуцируется: он либо рассматривается как часть собственного имени в выражениях вроде "точка А", "это дерево" и "Андрей Родин" (что позволяет также частично вынести за скобки опасную для абсолютной точки зрения проблему омонимии собственных имен), либо рассматривается как необязательная стилистическая добавка к собственному имени, не имеющая логического значения как в выражении "господин Родин".

Однако тем самым мы встали на ту самую платоновско-аристотелевскую точку зрения, от которой мы хотим теперь отказаться: производить среду из события. И мы с равным успехом можем предположить обратное: что структура события определяется структурой среды, то есть ее топологией; что событие само по себе бесструктурно, а структура есть эффект среды. Это кажется даже более правдоподобным, поскольку мы говорим о структуре события как о его необходимом свойстве, а всякое свойство, как мы показывали, есть эффект среды.

#13 общие и индивидуальные топосы

Итак, вернемся к двойному названию вещи. Род показывает где находится вещь, то есть показывает место вещи. Родовые имена вещей, не называя вещей, называют топосы вещей. Например род "дерево" это топос в котором случается быть всякому единичному дереву. Выше мы выделяли топический способ образования рода, например, в выражении "Пифагор Самосский", но в обобщенном смысле всякий род есть топос. То, что мы называли топическим родом, следовало бы точнее назвать географическим родом. Мы обращали также внимание на то, что названия географических мест, по крайней мере больших географических мест, устроены не так, как названия вещей: они называются одним именем, а не двумя, как, например, "Россия". "Россия" это чистый род, а не вещь так же как и "дерево". Собственно, этот факт впервые заставил нас различить вещь и топос и отождествить топос с родом. Таким образом, всякое нарицательное имя и всякая универсалия в обычном смысле (поскольку всякий вид, как мы говорили, можно считать родом, если игнорировать его определение через высший род и принимать во внимание только его название) есть топос. Мы уже замечали, что язык выполняет по крайней мере две функции по отношению к речи. Во-первых, это фиксация определенных символов за определенными смыслами. Мы определяли смысл как некоторое свойство значений. Поэтому родовое имя, строго говоря, не фиксирует смысла. Мы могли бы расширить понятие смысла так, чтобы включить в него не только специфическую, но и генерическую определенность, то есть ответ на вопрос "что это такое?" не только в виде определения, но и в виде указания рода. Тогда можно сказать, что не только вид, но и род фиксирует смысл. Однако можно этого и не делать, и просто сказать, что

роды суть *индивидуальные* топосы, населенные не любыми вещами, но вещами определенного рода.

Вторая функция языка — это предоставление речи символов, которые фиксированы как символы, но не имеют никаких фиксированных смыслов и употребляются в речи по произволу. Это прежде всего собственные имена. Таким образом, кроме индивидуальных топосов-родов в среде имеются топосы другого рода, а именно *общие* топосы (общие места), поскольку одним и тем же собственным именем могут быть названы самые разные вещи самых разных родов. Так именем "А" могут быть названы вещи разных родов и в математике, и в логике; "той" или "этой" могут быть вещи разных родов в эмпирическом дискурсе и т.д. Впрочем, общность топосов никогда не является неограниченной: например, личные имена имеют только ограниченное применение за пределами собственно личного именованного; аналогичные ограничения имеются и в других случаях.

Выделив ограничения по родам на употребление собственных имен, мы могли бы составить что-то вроде географической карты языка, где странами были бы собственные имена, а городами родовые имена. Что это будет за картинка и какова будет ее топология (в обычном математическом смысле) на наш взгляд представляет реальный научный интерес. Заметим, например, что никакой общий топос не может иметь областей, свободных от пересечений по крайней мере с еще одним общим топосом, поскольку ни для какого рода не может использоваться только одно имя. Является вопросом, будет ли такая карта топологически связной. Для составления общей карты разных языков, по всей видимости, придется вводить какие-то функции склейки и учитывать тот факт, что топосы собственных имен, вообще говоря, могут покрывать области, принадлежащие разным языкам⁸. Сама проблема тождества языка, очевидно, должна быть переосмыслена при топологическом подходе. Интересно также сопоставление топологической карты языков с обычной географической картой. Можно надеяться, что этот простой по своему замыслу проект будет когда-нибудь реализован лингвистами.

Заметим, что в топике мы имеем ситуацию, зеркальную по отношению к ситуации в логике: там собственное имя оказывается индивидуальным, а родовое общим, здесь же все наоборот. Пересечение общего и индивидуального топоса (имя+род) это тоже топос. Действительно, слова "это дерево" вовсе не означают, что на самом деле здесь названо дерево и вообще названо что-либо — это только место, в котором случается быть этому дереву. Интересно, что если по своему логическому объему выражение вида "род+имя" совпадает с именем, то по своему топическому объему это выражение совпадает с родом. То есть данное выражение минимально и по своему логическому, и по своему топическому объему, однако минимальный логический объем имеет собственное имя, а минимальный топический объем — родовое имя. (И наоборот, максимальный логический объем имеют роды, а максимальный топический объем — собственные имена.) Поэтому с точностью до топического объема топос "это дерево" является тем же самым индивидуальным топосом, что и топос "дерево".

#14 топос и копула

Остановимся специально на топосах "этот" и "тот". Вслед за Расселом⁹ мы считаем эти слова собственными именами, однако грамматически это все-таки указательные местоимения. Мы говорим это не для того, чтобы заводить грамматический спор, а затем, чтобы указать на вторую функцию этих слов, в которой их уже трудно считать собственными именами: на функцию указания не на эмпирическую вещь, находящуюся у нас под руками и перед

⁸ В.Топоров Из области теоретической топономастики // Вопросы языкознания 1962 №6

⁹ В.Russell An Inquiry into Meaning and Truth NY 1940.

глазами, а на вещь, о которой недавно шла или скоро пойдет речь. С этим же связана функция слова "этот" как связки в выражениях типа "человек это животное".

Логика не дает никакого объяснения тому факту, что указанные две функции совмещаются в одних и тех же словах; логики здесь, скорее всего может снова усмотреть лишь омонимию. Однако этот факт имеет простое топическое объяснение: собственное имя может связывать различные роды постольку, поскольку его топический объем покрывает топический объем этих родов вместе взятых и может заменять собой другое ранее данное имя, если его топический объем больше топического объема этого имени. Топический объем слов "этот" и "тот" весьма широк: существует немного родов вещей которые не могут быть "теми" или "этими". Поэтому слова "этот" и "тот" могут заменять ранее данные собственные имена для вещей широкого класса родов.

По той же причине слово "этот" может использоваться в качестве связки между различными родами широкого класса. В выражении "человек это животное" неявно выделяется единичный "этот человек", который затем подводится под род "животное". Различие между выражениями "человек это животное" и "животное это человек" является чисто логическим, определенным линейным порядком речи и не имеющим отношения к топике: эти выражения отличаются только различным соотношением логических объемов рода "человек" и рода "животное". Топическая же возможность этих выражений определяется тем, что топический объем общего топоса "этот" больше топического объема индивидуальных топосов "человек" и "животное" вместе взятых. Заметим, что логически ложное выражение "животное это человек" оказывается топически правильным, то есть, как мы бы сказали в логике, формально возможным. Очевидно, что обратная ситуация невозможна, поскольку топически неправильное выражение это просто бессмысленный набор слов, например, "человек дерево животное". То есть топическая правильность служит условием логической истинности, но не наоборот.

Интересно также, что топическая правильность выражения "человек это животное" не зависит от линейного порядка трех топосов этого выражения, задаваемого речью. Допустимы выражения: "это животное человек", с добавлением флексии — "этот человек животное", а также с некоторой стилистической натяжкой — "человек животное это" и "животное человек это". Различаясь и логически (по истинности) и риторически (стилистически), все шесть выражений, получаемые перестановкой трех топосов, оказываются топически тождественными.

Помимо указательного местоимения "это" топосом-связкой является третье лицо глагола "быть", например, в выражении "человек есть животное". Правда в русском языке в отличие от основных европейских языков, выражения такого вида являются скорее искусственными, чем попадающими под разговорную норму. И если логика является чем-то универсальным по отношению к языку (ведь мы не говорим, к примеру, о русских или французских силлогизмах), то топика, вообще говоря, у каждого языка своя, что, впрочем, не исключает наличия общих топосов у большой группы языков или даже вообще у всех языков (язык в целом есть топос, а именно "топос знака", отличающийся от "топоса природы" или "природной среды"). Связка "есть" есть общий топос для всех языков, поскольку на них философствуют и изучают античные образцы философии. Поэтому мы никак не можем оставить этот вопрос в стороне.

Наши предыдущие рассуждения позволяют увидеть топическую аналогию между глаголом "быть" и указательным местоимением "это". Так же как почти любая вещь может быть названа "этой", про любую вещь можно сказать, что она "есть" (даже если ее на самом деле нет). И так же как местоимение "это" глагол "есть" может быть связкой. Никак не опираясь в

логическом смысле на приведенную аналогию, мы можем дать факту двойственности функции глагола "есть" (тому факту, что глагол "есть" имеет экзистенциальное и предикативное значение) то же объяснение, которое мы давали для двойственности функции местоимения "это": топический объем глагола "есть" является максимально возможным и это, с одной стороны, позволяет сочетать его с любым другим топосом, а, с другой стороны, позволяет посредством него связывать любые топосы между собой. В данном отношении мы имеем не просто аналогию, а топологическое тождество указательного местоимения "это" и глагола "есть".

Найдем ли мы у топосов "это" и "быть" топологическое тождество и других отношений? Говоря просто "дерево" мы только указываем род, говоря "это дерево" мы выделяем некоторое единичное дерево, хотя чисто топически и "дерево" и "это дерево" это только слова языка, которые вне своего употребления в речи никак не связаны ни с какими вещами. Говоря "есть дерево" мы тоже скорее указываем на некоторое единичное дерево, чем что-то говорим о роде. В этом отношении выражения "это дерево" и "есть дерево" оказываются если и не тождественными, то весьма близкими по своему смыслу, то есть "есть" оказывается здесь чем-то вроде собственного имени. Однако, как мы говорили выше, никакое собственное имя не может быть единственным для данного рода. Имя "это" предполагает имя "то", но какое другое имя будет предполагать имя "есть", если мы допустим гипотезу о том, что "есть" это имя? Очевидно, что таким другим именем будет отрицание "есть" — "не есть" или, как говорят по-русски, просто "нет" ("нет дерева"; ср. также старое "несть": как и в случае указательных местоимений имена здесь различаются наличием или отсутствием дополнительной первой буквы).

#15 виртуальное (не)бытие

Выражение "есть дерево" предполагает выражение "нет дерева" таким же образом, как выражение "это дерево" предполагает выражение "то дерево". Однако, если мы и согласимся с тем, что, говоря "есть дерево", мы именуем дерево, то как согласиться с тем, что мы именуем дерево, говоря "дерева нет"? В каком смысле именование несуществующего дерева как именно несуществующего может быть названо событием речи?

Выше мы говорили, что всякое именование предполагает доисторическое прошлое именуемой вещи: мы даем имя тому, что уже есть. Несуществующая вещь отличается от существующей как будто тем, что она лишена такого доисторического прошлого: называя несуществующую вещь, мы присоединяем имя к роду, но не имеем названной вещи в виртуальном доисторическом прошлом. Однако отсутствие у несуществующей вещи доисторического прошлого в данном случае вовсе не является просто безотносительностью к доисторическому прошлому как таковому и зависимостью только от исторического прошлого языка. Ведь не одно и то же говорить, что вещи нет, и называть вещь, вовсе не интересуясь есть она или нет. Совсем разные ситуации имеют место, когда мы говорим, что дерева нет, и когда мы берем "дерево", или "это дерево", или "есть дерево", или "нет дерева" просто в качестве слов и выражений языка. Во втором случае мы только скользим по среде, тогда как в первом — имеем дело с событием.

Говоря "нет дерева", мы не просто не имеем доисторического прошлого этого дерева, но скорее имеем, так сказать, его доисторическое прошлое с обратным знаком: говоря "нет дерева", мы имеем у этого дерева *другое* доисторическое прошлое, нежели доисторическое прошлое есть-дерева. Однако о различии доисторического прошлого разных вещей здесь говорится ровно в том же смысле, как и в случае различия доисторического прошлого нумерически разных вещей одного и того же рода: каждая из них существовала сама по себе

в абсолютном "до" именованая. Но без генерического и нумерического определения *всякая* вещь оказывается неопределенной виртуальной вещью, в некотором смысле *одной и той же* виртуальной вещью, поскольку без имен вещи не различаются между собой. И мы, очевидно, будем правильно и полно использовать понятие виртуальности, если скажем: виртуальная вещь не только абсолютно "еще" не получила ни генерической, ни нумерической определенности, но и абсолютно "еще" не получила экзистенциальной определенности — есть она или ее нет. Поэтому неверно говорить, что у существующих вещей *есть* доисторическое прошлое, а у несуществующих *нет*, поскольку доисторическое прошлое, как оказывается, это не то, что может быть или не быть. Быть или не быть могут вещи, а доисторическое прошлое это не вещь, а неопределенность, апейрон (о виртуальной *вещи* мы говорим, конечно, очень условно).

#16 симптом события: неопределенность

Апейрон это не сущее и не не-сущее, а то, что до всякого существования и всякого несуществования. Апейрон есть симптом события как такового: отношение данного топоса к апейрону есть симптом того, что здесь имеет место событие. И поскольку событие и его среда не могут быть окончательно отделены друг от друга, всякий топос в каком-то смысле окружен апейроном.

Топос же, напротив, это всегда некоторая граница — не то, что ограничено, а прежде всего сама граница, не какая-то определенная вещь, а сами пределы вещи. И это касается не только специфического определения вещи — что более очевидно поскольку, как мы говорили, виды определяются через свойства, а свойства суть медиаторы природы и знака — но также генерического и нумерического определения вещи. Таким же образом город это не то, что окружено городской стеной, поскольку все городские постройки могут быть уничтожены и на их месте построены новые, но прежде всего сама городская стена, или, еще точнее, та линия, по которой проходит стена, поскольку всякая стена тоже может быть разрушена и перестроена. И эта линия определяется не метрически, поскольку города могут расширяться и сужаться, а топологически (в обычном математическом смысле слова): только если два города расширятся до такой степени, что сольются в один, или если один город распадется на несколько частей, исходные топосы потеряют свое тождество.

Другими словами, не существует такого абсолютного пространства, в котором проводятся границы топосов, нет такой абсолютной "земли", которую делят между собой разные народы, но всякий топос определяется только по отношению к другим топосам. Мы уже говорили об этом, когда обращали внимание на тот факт, что всякое имя — собственное или родовое — не выделяет нечто одно *из* чего-то другого, но отличает одно *от* другого, названного другим именем. Таким образом, среда вещей есть их взаимная историческая и географическая определенность, а событие — их историческая и географическая неопределенность. То есть вообще всякая определенность есть топическая определенность, а неопределенность двояка: она и природна, и искусственна. Природа и искусство, а точнее, природа и искусственность это, говоря словами Платона, "неопределенная двойка". И эта неопределенность есть симптом события.

Противопоставление речи языку или события среде близко к античному противопоставлению беспредельного пределу. Поэтому, в частности, гипотеза о перворечи или о другом первособытии есть одновременно гипотеза о первоапейроне: об изначальной бесконечности и неопределенности, из которой формируется конечно определенный мир. И одновременно это гипотеза о первоземле, которая предшествует всем проведенным на ней границам (почвенеческий миф). (И, напомним, это гипотеза о едином праязыке,

абстрагированном непосредственно от перворечи, который предшествовал разделению исторических языков.)

#17 симптом события: асимметрия

Какова же логическая функция слов "есть" и "нет"? Говоря "есть дерево" или "нет дерева", мы не называем единичное дерево, добавляя к генерическому определению дерева нумерическое, как когда мы говорим "это дерево" (в этом отношении приведенная выше аналогия остается, конечно, только аналогией), но высказываем *суждение*, которое может быть *истинным* или *ложным*. Выражению "это дерево" тоже можно приписать истинностное значение, но для этого в нем нужно подразумевать связку: "это есть дерево". В случае предикативного использования глагола "быть" также вводится истинностное значение: выражения вида "дерево (есть) зеленое" или "дерево не (есть) зеленое" могут быть либо истинными, либо ложными и *tertium non datur*. Истинностные значения приписываются выражениям и тогда, когда название вещи стоит рядом с любым глаголом в утвердительной или отрицательной форме, например, "это дерево стоит" или "это дерево не стоит".

Следуя обычному способу логического анализа выражений этого вида, можно интерпретировать их в виде "это дерево есть стоящее" или "это дерево не есть стоящее" и сказать, что всякий иной глагол кроме глагола "есть" есть глагол "есть" плюс некоторое свойство. Тогда глагол "есть" логически оказывается единственным глаголом, а все другие грамматические глаголы логически к нему сводятся. Интерпретируя всякое суждение с помощью логической связки "есть" в ее утвердительной и отрицательной формах, можно сказать, что истинностное значение появляется в речи там, где появляется логическая связка.

Истинностное значение выражения есть симптом события: если мы берем выражение просто как комбинацию элементов среды, комбинацию слов языка с заданным на ней линейным порядком (хотя на самом деле это совсем не так просто как кажется — взять слова как "просто слова"; до конца это, очевидно, вообще невозможно сделать), то мы не можем приписывать этому выражению истинностных значений так же как не можем приписывать обычных природно-вещественных значений отдельным словам этого выражения. В этом случае мы скользим по среде и не участвуем (или минимально участвуем) в событии. Если же мы рассматриваем, например, выражение "это дерево есть стоящее" не как набор слов, а как осмысленное выражение, описывающее реальную ситуацию — может быть истинно, а может быть ложно — то мы, так сказать, с головой окунаемся в событие. И оказываемся перед мучительной неопределенностью: наше суждение может быть истинным, а может быть ложным.

Логика события такова, что истина и ложь вовсе не взаимозаменяемы друг с другом как имена, но так же несимметричны как знак и значение, искусственность и природность, служебность и самостоятельность. Двойственность истины и лжи это опять та самая "неопределенная двойка", тот самый апейрон, о котором мы говорили выше как о симптоме события. Фреге (op.cit.) очень точно, как мы видим, распространил понятия знака и значения с имен на предложения, назвав возможными значениями всякого предложения его истинность или ложность. Однако, мы видим и то, что истина и ложь не равноправны как равноправны любые значения слов в качестве природных вещей. Скорее пара "истина-ложь" повторяет пару "значение-знак", а не пару каких-то значений имен. На эту проблему указывает и сама терминология Фреге: почему "истинность" и "ложность" совокупно у него называются "истинностными" значениями, а не "ложностными"? Дело в том, что ложное предложение в некотором смысле оказывается "просто словами", не соответствующими реальности, хотя, если говорить строго, истинность и ложность вовсе не имеет к "просто

словам" никакого отношения. И ложность это, конечно, не знак суждения, поскольку знак суждения это его запись. Истинность оказывается "истинным значением", а ложность — неким вторичным значением, чем-то более близким к "просто словам", то есть к среде и к знаку. Впрочем, аналогичную ситуацию можно усмотреть и среди значений имен, если вспомнить, что не все значения имен все же вполне равноправны, но эти значения могут быть, во-первых, "истинно природными" вещами как камни и животные и, во-вторых, технически изготовленными вещами, как стол или компьютер. Мы видим, что структура упорядоченной пары вида "знак-значение" пронизывает все уровни события речи: эту структуру мы только что обнаружили среди значений слов и значений предложений, но очевидно, что ее можно обнаружить и среди знаков. Например, математические обозначения являются более искусственными, чем знаки речи на "естественном" языке (с чем связан и сам термин "естественный язык").

#18 логическая и эмпирическая истина

Та же самая событийная структура вида "знак-значение" появляется среди истинностных значений еще раз, когда различают эмпирическую (фактическую) и логическую (аналитическую) истинность. Неопределенность истинностного значения предложения есть всегда симптом события в топосах среды, однако этот симптом может быть более или менее четким. Более четкий симптом события называют эмпирическим истинностным значением, а менее четкий — логическим. Соответственно, неопределенность эмпирического истинностного значения это большая неопределенность, чем неопределенность логического истинностного значения. Скажем, предложение "это дерево (есть) либо зеленое, либо не зеленое" логически истинно, то есть истинно независимо от действительного положения вещей, тогда как то, какая из указанных двух возможностей в действительности реализуется, представляет собой дополнительный вопрос¹⁰.

Является ли некоторое предложение логически истинным или логически ложным (противоречивым), решается раз и навсегда, тогда как эмпирическая истинность всякого предложения может быть определена только здесь и теперь (и то, только с долей вероятности), а при ином употреблении в речи то же самое предложение может иметь другое эмпирическое истинностное значение. Здесь мы имеем случай аналогичный случаю омонимии собственных имен, когда одними и теми же именами в разных событиях речи именуется разные вещи, причем это составляет даже в некотором роде правило, а не исключение. Это значит, что и сама функция собственных имен в речи, о которой мы говорили, является эмпирической, а не логической функцией.

В случае омонимии предложений (по отношению к их истинностным значениям) тот же самый вывод делается более непосредственно: предложения, допускающие омонимию истинностных значений, то есть предложения, истинностные значения которых меняются от случая к случаю, выражают эмпирические суждения. Те же предложения, истинностное значение которых не зависит от случая, выражают логические суждения. И если эмпирическая истинность относится к "положению вещей", то логическая истинность скорее относится к "положению слов": хотя логическая истинность предложения не так определена как сами слова языка, из которых составлено предложение (поскольку язык допускает как логически истинные, так и логически ложные, т.е. противоречивые, высказывания), логические истины в противоположность эмпирическим являются необходимыми и не допускающими эмпирической неопределенности. Но это как раз и означает, что логическая истина является менее четким симптомом события, чем эмпирическая истина. Можно

¹⁰ Р.Карнап Значение и необходимость М.1959

поэтому сказать, что логическая истина является истиной в более слабом смысле слова, чем эмпирическая истина. И на самом деле название "логическая истина" было бы уместнее закрепить за эмпирической истиной, поскольку эмпирическая истина более тесно связана с событием речи (логоса), чем логическая истина в обычном смысле слова; логическая истина в свою очередь есть некая *структурная* истина речи, а всякая структура определяется топологией среды, в данном случае языка. Вообще, противопоставляя логику топике мы всегда должны иметь в виду, что занимаясь структурой речи, логика определяет речь топосами языка, а топика, занимаясь средой, оговаривает топосы языка речью. Поэтому логика использует нефонетическое (диаграммы, "логические фигуры") и псевдофонетическое (формульное) письмо, тогда как метод топики (ср. у Аристотеля) это диалектика. Впрочем, как представляется, возможен и общий метод, использующий разные уровни фонетизации письма, и вообще, так сказать, разные способы отношения логоса и топоса для того, чтобы в рамках единого дискурса говорить и писать как о логосе, так и о топосе. Такому *топологическому* методу мы и пытаемся следовать в этой работе.

#19 топологическая классификация суждений, история и докса

Очевидно, таким образом, что понятия логической и эмпирической истины и лжи должны быть совершенно переосмыслены. *Логической* истиной и логической ложью следует называть истину и ложь, которая неотделима от события речи, высказывающей истину или ложь. Например, выражению "это (есть) дерево" может быть приписано только логическое истинностное значение, поскольку вне события речи (акта высказывания) местоимение "это", а значит и все выражение в целом не имеет смысла. Таким же образом, только логическое истинностное значение может приписываться суждению, в котором субъект обозначается личным местоимением, например, суждению "я мыслю".

Рассмотрим теперь выражение "человек есть животное". И субъект и предикат этого суждения имеют свои исторически фиксированные смыслы как слова языка, поэтому и все выражение в целом имеет смысл независимо от конкретного акта высказывания. Поэтому и истинностное значение приписывается этому выражению независимо от акта высказывания. Однако, проанализировав ситуацию более внимательно, мы заметим, что и в данном случае истинностное значение не определяется чисто топически. Во-первых, в обоих приведенных примерах и, очевидно, вообще во всех примерах такого рода существенно отношение линейного порядка слов, задаваемого речью: если изменить порядок слов выражения так, чтобы выражение не перестало иметь смысл, истинностное значение суждения может измениться. Например, выражение "животное (есть) человек" имеет смысл (который уточняется при введении слов-кванторов), однако это суждение ложное, тогда как суждение "человек есть животное" истинное. Во-вторых, если мы скажем, что истинностное значение выражения "человек есть животное" определяется тем фактом, что класс индивидов, которых можно назвать "животными" включает в себя класс индивидов, которых можно назвать "людьми", мы тоже будем апеллировать к акту высказывания, поскольку, как мы показывали в первой части работы, индивид как единичная вещь конституируется в событии речи. В этом, кстати, состоит различие в способе отношений логических объемов между собой и отношений топических объемов между собой. Когда мы говорим о соотношении логических объемов понятий, мы предполагаем некоторое поле значений, на котором проведены границы, соответствующие этим понятиям. Когда мы говорим о соотношении топических объемов слов, мы не предполагаем такой первоземли и исследуем только сочетаемость слов между собой (синтаксис). В-третьих, отсылка к моменту речи содержится в грамматическом настоящем времени глагола-связки "есть".

То, что настоящее время глагола отсылает к моменту речи, более очевидно в случае суждений вроде "Сократ стоит": для того, чтобы определить истинностное значение этого последнего суждения, нужно знать положение Сократа в момент речи, высказывающей это суждение. В выражении "человек есть животное" настоящее время глагола как-будто имеет другой смысл, а именно тот, что данное суждение имеет одно и то же истинностное значение всегда, а не в тот или иной момент времени. Однако разница здесь только в одном: событие "Сократ стоит" мы привычно погружаем в историю — и как событие речи, предполагая, что некто сначала молчал или говорил о другом, а потом высказал это суждение, и как телесное событие, предполагая, что Сократ сначала сидел, потом встал, а затем пойдет; истинностное значение суждения мы здесь определяем, исторически синхронизируя время речи с временем биографии Сократа; тогда как событие "человек есть животное" мы мыслим вне истории, как не имеющее отношения к истории. Поэтому можно сказать, что в случае выражений вроде "человек есть животное" или "дважды два (есть) четыре", то есть в случае, когда глагол "есть" употребляется в суждении, истинностное значение которого не предполагается зависимым от времени, настоящее время этого глагола отсылает к моменту речи даже более непосредственно, чем в случае, когда предполагается историческая синхронизация речи и положения вещей, оговариваемого этой речью.

Здесь мы снова сталкиваемся с той парадоксальной ситуацией, что вывести событие как событие можно только погрузив событие в среду и репетируя его историю, а значит — заменяя событие рассказом о событии. Участники события не отличают свое событие от других событий, событие от среды и вообще ничего не отличают, захваченные апейроном. Всякая определенность события — и как события вообще, и как именно этого события — возможна только в памяти о событии. А это значит что событие предшествует рассказу о событии только как доисторическое — историческому, что не может быть историческим временным отношением.

Игнорировать историю не означает автоматически участвовать в событии. Суждения с глаголом "есть" в настоящем времени (а таковы, в частности, суждения всех естественных наук), конечно, только симулируют, а не осуществляют первособытие — как событие без географии и истории — поскольку такие суждения многократно репетируются в различных учебных ситуациях и составляют "известное", докса. Докса как и история репетирует события, но делает это иначе. Историю в отличие от доксы никто не пересказывает слово в слово. Всякий пересказ истории есть некоторое продолжение истории, как и вообще всякая история есть продолжение другой истории. Пересказ истории сам является историческим событием: один пересказ истории отличается от другого таким же образом, как одно событие, о котором рассказывается история, отличается от другого. И в том, и в другом случае сохраняется общий топос, на фоне которого проявляются частные топические различия. Так, история рассказывает, например, о сражениях, различающихся по месту и по времени, и рассказывает о чужих рассказах (источниках), таким же образом отличая их по месту и по времени. Повторение доксы это тоже событие, однако уже не историческое событие, а нечто отсылающее к первособытию как и сама докса. Повторение доксы является не каким-то одним историческим событием в ряду подобных, а почти уникальным событием — постольку, поскольку удастся не отличать одно повторение от другого. Уникальное событие, поскольку оно уникально, не отличается ни от какого другого события и потому единственно. Вариация доксы недопустима не потому, что найденная формула оптимальным образом выражает некоторое положение вещей, но потому, что вариация придает доксе историческую определенность, а это затмевает неопределенное уникальное событие — первособытие перворечи.

Итак, выражения вида "человек есть животное" оказываются связанными с событием речи как и выражения вида "это (есть) дерево", хотя эта связь в двух случаях неодинакова. Во втором случае связь с событием является более непосредственной, поскольку здесь не предполагается даже тавтологической репетиции, что имеет место в первом случае. (Хотя, с другой стороны, здесь можно предположить историю, в которой приведенное суждение высказывается в порядке косвенной речи. Мы, однако, сейчас абстрагируемся от этой возможности.) Соответственно, истинностное значение суждения "это (есть) дерево" оказывается, так сказать, более логическим, чем истинностное значение суждения "человек есть животное". Во втором случае истинностное значение оказывается скорее логотопическим.

Для этого можно найти следующее формальное основание. Выражение "это есть дерево" состоит из двух общих топосов "это" и "есть" и одного индивидуального топоса "дерево". Выражение "человек есть животное" содержит только один общий топос "есть" и два индивидуальных топоса "человек" и "животное". Поэтому второе выражение является более топически определенным и, следовательно, менее логически неопределенным, чем первое. Следовательно, его истинностное значение оказывается менее логическим. Таким образом, выстраивается шкала степеней логичности истинностных значений суждений (или, что то же самое, степеней логичности самих суждений) по критерию соотношения в них общих и индивидуальных топосов. Полностью логическими оказываются суждения, выражения которых состоят только из общих топосов. Так полностью логическими будут суждения "А есть А", "не есть А и не А", "А есть или А не есть", являющиеся возможными формулировками основных трех логических законов, что, таким образом, согласуется с общепринятым понятием логического суждения. Следующую (по убывающей) ступень логичности суждения мы получим, если введем один индивидуальный топос. Тогда мы получим суждения, которые обычно называют эмпирическими или фактическими, например, "это (есть) дерево". Наконец, если связка "есть" оказывается единственным общим топосом суждения, мы получаем низшую ступень логичности суждения. Таким образом, мы противопоставили чисто логическим суждениям логотопические суждения разной степени логичности. Чисто топическим суждение быть не может, поскольку мы считаем связку "есть" необходимым элементом суждения. Следовательно не может быть и топического истинностного значения (как и вообще топического значения). Истинность, как мы уже сказали, есть не характеристика среды, а симптом неопределенности события.

Продолжая анализ суждения, мы подходим к вопросу о свойствах, благодаря которому мы начали рассмотрение топической структуры среды, но затем к нему больше не возвращались. Топосы-свойства входят в состав суждений вида "Сократ (есть) белый" или "человек есть млекопитающее животное". Что такое свойство топически? Можно ли сопоставить свойства роду и собственному имени по топическому объему таким же образом как мы сопоставили по топическому объему род и имя между собой? Пробуя сочетать роды и свойства между собой, мы сразу замечаем, что критерий сочетаемости рода и свойства оказывается логическим, а не топическим. Выражение "млекопитающее животное" допустимо, а выражение "млекопитающее дерево" недопустимо не в смысле правил языка, а потому, что таково реальное положение вещей: животное может быть или не быть млекопитающим, а дерево не бывает млекопитающим. То же самое, кстати, относится и к сочетаемости родов и глаголов. Так сочетание "дерево улыбается" можно считать неправильным только в том смысле, что деревья на самом деле не улыбаются. С другой стороны, невозможно придумать сочетание рода и свойства или рода и глагола, заведомо недопустимое (в частности, в качестве метафоры) в поэтической речи — а именно поэзия имеет дело с языком мало незатронутым

речью¹¹. Это означает, что сочетание рода и свойства не может быть, строго говоря, топически правильным или неправильным, но может быть только логотопически истинным или ложным. Чисто топически же свойство есть такой же индивидуальный топос как и род, а грамматический признак имени прилагательного есть симптом события так же как и грамматический признак глагола, который как и в случае глагола может быть логически выражен с помощью "есть". Выражение "зеленое дерево" может быть названо правильным только в том смысле, что такие деревья *есть*, а выражение "млекопитающие дерево" названо неправильным только в том смысле, что таких деревьев *нет*. И если логический анализ глагола разлагает всякий глагол, кроме "есть" на "есть" и свойство, то логический анализ свойства разлагает его на "есть" и род: например, "зеленое дерево" — на "дерево есть зелень" (или "дерево есть зеленое", где "зеленое" может быть субстантивировано). Таким образом, во всяком глаголе "есть" содержится дважды: "Сократ бежит" "Сократ есть бегущий" — "Сократ есть (есть) бегущее". Это значит, что глагол является, вообще говоря, более сильным симптомом события, чем свойство.

Полученный результат кажется странным, если учесть ту важную роль, которую играли свойства при переходе от логики вещей к топике среды. Выше мы даже отождествляли среду со свойствами, а теперь видим, что понятие среды значительно шире. Однако эта ситуация легко объяснима. Когда мы говорили о роде и о имени в рамках логики вещей, то мы сразу переходили от рода к природе, а от имени к знаку, используя род и имя только для разбега мысли. Мы не могли сразу посмотреть на род и имя как на топосы, поскольку были поглощены событиями, имеющими место в этих топосах. Именно потому, что грамматические категории собственного и нарицательного имени есть в чистом виде топосы и не содержат никакой отсылки к событию, нам было трудно их разглядеть на фоне события, хотя мы и сделали кое-что в этом направлении, указав на факт омонимии собственных имен и на тот факт, что род не обозначает вещи. Если бы мы занялись тогда связкой "есть" и другими глаголами, то мы скорее всего тоже увидели бы здесь не следы событий в топосах, а только сами события. Свойство, выражаемое грамматически как имя прилагательное оказалось проще всего обнаружить как топос постольку, поскольку свойство есть *слабый* симптом события. Если (грамматический) глагол, и прежде всего глагол "есть" просто отождествляется с событием, а собственное и нарицательное имена просто просматриваются, вытесненные знаками речи с одной стороны и вещами с другой, логическая категория свойства и соответствующая грамматическая категория имени прилагательного ставит вопрос о топике среды, поскольку свойства невозможно ни просто отождествить с событием как глагол "есть", поскольку они, так сказать недотягивают до полноты события, ни совсем просмотреть как род и имя, поскольку свойства все же несут следы события и сопрягаются с "есть" в суждении. (Так, свойство "зеленый" можно также обозначить как "быть зеленым".) Именно этим, как представляется, объясняется особая роль свойств при переходе от логики вещей к топике среды, хотя в рамках самой топике среды понятие свойства не оказывается центральным. Проведенный анализ свойства позволяет поставить суждения, состоящие из собственного имени, свойства и связки (например, "Сократ есть образованный") на логотопической шкале между суждениями, состоящими из двух собственных имен и связки ("Сократ есть Сократ") и суждениями, состоящими из собственного имени, рода и связки ("Сократ есть человек"). Соответственно, суждения, состоящие из собственного имени и глагола ("Сократ бежит") нужно поместить непосредственно перед суждениями со свойством (поскольку в глаголе "есть" содержится дважды, а в прилагательном единожды; точнее было

¹¹ Ср. "стихи нужны для того, чтобы не дать поэту говорить" E. Gilson *Matieres et formes* Paris 1964

бы сказать, что "есть" глагола имеет вдвое большую интенсивность, чем "есть" прилагательного):

Структура суждения:

Пример:

только общие топосы	Сократ есть Сократ
один глагол	Сократ бежит (Сократ есть бегущий)
одно свойство	Сократ есть образованный
один род	Сократ есть человек
род и глагол	деревья растут (деревья суть растущие)
род и свойство	деревья суть зеленые
два рода	дерево есть растение

Трехчленные суждения по убыванию степени логичности (сверху вниз) на топологической шкале

Заметим еще, что настоящее время глагола "есть" это не единственный способ отсылки к перворечи. В этой роли могут использоваться другие общие топосы, например, личные местоимения первого и второго лица. Репетиция христианского "(Я) Верую..." возвращает к перворечи как и докса со связкой "есть". "Верую" это личное событие, избегающее исторической и географической определенности. Важно не то, где и когда я верую и где и когда я говорю "Верую..", а важно, что я верую и говорю "Верую". Таким же образом декартово "я мыслю" кладет предел биографии и начинает логику. Не нужно переводить "верую" в "я есмь верующий" и "я мыслю" в "я есмь мыслящий" чтобы эти суждения стали логическими и получили логические истинностные значения. Более того, это было бы логически неверно, поскольку первособытие репетируется здесь различным образом; хотя сам принцип тавтологической (скрытой) репетиции один и тот же, в одном случае знаком первособытия является глагол "есть", а в другом местоимение "я". Это, конечно, существенно отличает логику личных суждений от логики суждений безличных.

#20 локальность события

Грамматическое выделение глагола как особой части речи продолжает логический анализ предложения, когда предложение "Сократ бежит" принимает вид "Сократ есть бегущий": здесь "есть" это знак события, а "Сократ" и "бегущий" — топосы этого события. Чтобы отличить в этом предложении знак события от его топосов еще более определенно, нужно было бы придать этому предложению форму "Сократ есть бегущее", где "бегущее" это уже чистое имя как и "Сократ". "Быть" оказывается единственным событием и единственным глаголом: это необходимо, поскольку событие как уникальное событие единственно.

Если мы попытаемся каждое слово предложения понять как глагол и как событие, мы столкнемся с той трудностью, что множественность слов предложения и множественность их смыслов противоречит единственности события. Возьмем предложение "дерево стоит". "Оглаголивая" "дерево", мы получаем "деревенеет (и?) стоит" вместе с проблемой различения и соотношения "деревенеть" и "стоять". Мы хотели ухватить уникальное событие, но получили два разных события, то есть событие вместе с границей среды. Именно поэтому грамматика и логика концентрируют событие только в одном слове предложения: грамматика в глаголе вообще, а логика — еще более определенно — в глаголе "быть".

Однако выбор в качестве знака события глагола "быть" из пары "быть" и "не быть" является совершенно произвольным, поскольку топически "быть" и "не быть" это пара равнозначных имен, которые можно поменять друг с другом местами. "Быть" это на самом деле тоже топос, топос максимального объема и потому максимально скрывающий свою топичность, но равный по объему топосу "не быть". "Не быть" это такое же событие как и "быть". Это, конечно, *разные* события, поскольку событие "быть" и событие "не быть" различаются топически, то есть случаются в разных топосах — но события вообще только и могут различаться своими топосами, поскольку уникальное событие как таковое единственно. Желая же ухватить единственность уникального события в языке, топически зафиксировать нетопическое, логика произвольно исключает из пары имен одно и отождествляет его с уникальным событием. Этим событие подменяется словом языка, а язык оказывается обделенным различием.

Мы говорим, что уникальное событие единственно, но говорим также, что симптомом события является апейрон. Событие единственно как единственен апейрон: ни сущее, ни не-сущее, ни то, ни се. И эту единственность апейрона мы определяем не иначе как через неопределенную двоицу того и сего. При этом мы на самом деле всегда упорядочиваем эту пару: один элемент мыслится как почти тождественный уникальному событию, а другой как бы сбивающий с толку, за счет которого тождество топоса и события никогда не оказывается полным. Так в случае обычной денотации знак есть нечто мешающее непосредственному контакту с природной вещью, которая поэтому остается вещью в себе; в случае суждения ложь есть нечто скрывающее истину, а небытие — нечто мешающее бытию быть. И несмотря на это, знаки заведомо никогда не могут до конца скрыть природу, ложь затмить истину, а небытие уничтожить бытие. Мы замечали также, что подобную структуру имеют события власти и стоимости. Теперь мы можем с определенностью сказать, что такова структура события как такового такова структура уникального события, поскольку *структура* события есть способ обозначения события в среде. И как бы мы могли обозначить уникальность события в среде, состоящей сплошь из различий, не скрывая и не подавляя один из различаемых элементов, не упорядочивая логически и властно топически неупорядоченную пару имен? Очевидно, такого способа не существует. Ведь слова "событие" и "уникальность" сами по себе, конечно, мало что значат.

Но почему бы мы не могли говорить о событии всегда *локально*, репетируя события в среде и меняя "первичные" и "вторичные" имена местами при переходе от топоса к топосу, как это делается в математике и в истории? Так одна и та же функция в математике может быть один раз объектом изучения, квази-природной вещью, а другой раз инструментом изучения другого объекта, квази-знаком. Таким же образом один и тот же источник может быть и объектом и инструментом исторического исследования. Тогда истину и ложь, бытие и небытие нужно тоже понимать локально. Ведь уникальное событие как таковое, абсолютная истина и абсолютное бытие это то, что в строгом смысле не имеет места. И это бессмысленно искать в предложении или где-либо еще. Это не то, что вообще следует где-нибудь искать. Это собственно то, что происходит — уникальное событие — но происходит всегда в каком-нибудь неуникальном месте. Уникальных мест нет: уникально событие, а места множественны. И всякое участие в событии, всякая оценка события, всякая вообще определенность события всегда локальна и исторична.

#21 локальная истинность

Нужно ли нам сохранять понятие эмпирической истинности и эмпирического суждения, после того как мы научились распределять суждения по логотопической шкале, на

которой нашли свое место и те суждения, которые обычно называют логическими, и те, которые обычно называют эмпирическими? Если мы как и в случае с "логическим" обратимся к исходному греческому смыслу слова "эмпирический" (empeirikos), то мы найдем основания для сохранения этого понятия. "Empeirikos" по-гречески означает "опытный" в смысле "имеющий опыт", имеющий опыт в прошлом, имеющий опыт как след прошлых событий. Отсылка к прошлому это то, что отличает эмпирическое от логического. Соответственно, эмпирическая истинность это прошлая истинность прошлых событий, это то, что было истинным или ложным в событиях истории, в рассказах и пересказах, а не то, что истинно или ложно здесь и теперь в настоящем событии речи. И поскольку всякий рассказ о событии локализует событие, берет событие в его среде, эмпирическая истинность есть локальная истинность.

Заметим, что таким образом понятая эмпирическая истинность не есть истинность факта объективной абсолютной истории. Когда мы спрашиваем, имел ли данный исторический факт место в действительности, мы абстрагируемся от самого этого места и редуцируем историческое прошлое события к доисторическому прошлому апейрона с одной стороны и к настоящему первособытия с другой. То есть в этом случае мы спрашиваем о логической, а не эмпирической истинности. Прошлое абсолютной истории оказывается в некотором роде фикцией: абсолютное время это линия, целиком представленная здесь и теперь. Абсолютная история это не история, а логика (как у Гегеля). Эмпирическая истинность исторического события это не логическая истинность суждения о факте, а локальная истинность пересказа. Пересказать историю истинно значит не повторить ее слово в слово, но значит сделать уместные разъяснения, значит уместно сделать пересказ уместным. Неправильно думать, что уместность слова является чем-то, так сказать, фиксированным, что требование сделать рассказ уместным означает отказ от неопределенности события, что истина всегда неуместна, а требование уместности влечет за собой отказ от требования истины. Мы бы даже сказали наоборот, что истина всегда и везде уместна, потому что она всегда и везде локальна. Ведь никто, собственно говоря, не знает до конца, что уместно как и то, что истинно.

Ставя вопрос о локальной эмпирической истинности предложения, мы берем исторически топические предпосылки его истинностного значения; если бы мы брали эти предпосылки не исторически, а логически, мы получили бы условное предложение и условное истинностное значение; поскольку же мы берем предпосылки исторически, мы исторически берем событие, которое логически оказывается внеисторическим событием; логическая внеисторичность исторического события делает эмпирическое истинностное значение логически эквивалентным абсолютному логическому истинностному значению.

Абсолютная логическая истинность оказывается только моментом локальной эмпирической истины, получаемым абстрагированием события от его места. Ведь и логическая истинность приписывается предложениям, то есть связкам топосов. И даже если речь идет о таких широких топосах как "есть", "я" или "это", это все-таки топосы, а не сами события. Когда берут суждение чисто логически, то игнорируют топическую сторону дела; если же совсем игнорировать топику оказывается невозможным как в случае логотопических суждений, топика выступает только ограничителем логики, из-за чего предложения и их истинностные значения оказываются логически условными. Если же суждение берется эмпирически, а его истинностное значение локально, то логическая сторона дела присутствует как тождество уникального события, но само событие определяется топически не скрыто как в предыдущем случае, но явным и внимательным образом. Те суждения, которые обычно называют чисто логическими и которым приписывают чисто логические истинностные значения, на самом деле тоже являются эмпирическими суждениями с эмпирическими истинностными

значениями, уже постольку, поскольку они выражаются предложениями на каком-то языке. Попытки логики абстрагироваться от своего топоса приводят только к тому, что один этот топос объявляется универсальным. Например, топос "есть" объявляется универсальной связкой, хотя это характерно (и тоже не универсальным образом) только для некоторых европейских языков, но не характерно, например, для русского языка.

Как говорит Деррида, логоцентризм оказывается этноцентризмом¹² или, добавим, топоцентризмом, когда свой топос не отличают от уникального события и, следовательно, от других топосов. Сам термин "логоцентризм" выражает только тавтологию: логос как уникальное событие является не просто центром, но единственной точкой; и как событие логос не может и не должен быть уравновешен топосом. Топос не создает логосу никакой конкуренции и бессмысленно говорить о равновесии логоса и топоса. Однако важно всякий раз различать логос и топос, понимая всякую истинность как локальную эмпирическую истинность, иначе один какой-то топос отождествляется с событием и теряет свою определенность. Каждый топос оказывается центральным, постольку, поскольку в нем имеет место событие (логос) и это создает своего рода конкуренцию топосов друг с другом. Но границы топосов отнюдь не являются непроницаемыми для события; наоборот, событие разбивается этими границами, теряя свою наличную уникальность в исторической репетиции: каждый топос централен только для своей истории, только для своей локальной истины, но уникальное событие везде одно.

Всякое историческое событие и всякая локальная истина уникальны только в том смысле, что они отличаются — и определяются именно этими отличиями — от всякого другого исторического события и от всякой другой локальной истины, а абсолютное логическое событие уникально в том смысле, что оно одно и ни от чего не отлично: поэтому оно неопределено. Это совсем разные уникальности, которые не слудует смешивать. Сам факт, что такие разные вещи называют одним словом "уникальность" говорит о привычке смешивать топос и событие. Итак, нам не только не следует отказываться от понятия эмпирической истинности, но, наоборот, следует принять эмпирическую (локальную) истинность в качестве основного определения истинности вообще — постольку, поскольку речь идет об истинности предложения, а не об абсолютной истине просто.

Когда Фреге замечает, что все логически истинные предложения имеют одно и то же истинностное значение, это кажется невероятным: зачем такая избыточность, зачем такое множество синонимов для того, чтобы назвать одну и ту же вещь? Однако каждое логически истинное предложение имеет свое локальное истинностное значение. В этом отношении эмпирическое понимание истинности кажется более приемлемым, чем логическое.

#22 место и время события

Пространство и время суть два модуса репетиции события. Время отличается от пространства наличием выделенной точки настоящего, которая отождествляется с событием. Граничная точка между прошлым и будущим это топос настоящего события. Симптомом события, имеющего место в точке настоящего, является неопределенная двойца прошлого и будущего: настоящее это уже не прошлое, но еще не будущее. Место настоящего неуловимо, его как бы и нет: точка настоящего во всякий следующий миг это уже точка прошлого. Настоящее событие неопределенно: или оно уже случилось, или только предполагает случиться. Поскольку настоящее событие требует только двух элементов неопределенности, время получается линейным: каждый настоящий момент времени требует одного прошлого и одного будущего момента.

¹² J.Derrida De la grammatologie Paris 1967

Пространство это, вообще говоря, просто синоним топоса как родового понятия, то есть топос топосов. Это то, что мы называли средой. Мы говорим, что сбывание длится, что событие временится, но что пространство голо. Голое пространство проще себе представить, чем голое время — время без событий, поскольку по пространству мы различаем обычно вещи, а по времени — события.

Но если пространство это топос, пусть даже топос топосов, то есть самый общий топос, то он не может быть единственным: требуется, чтобы был хотя бы один другой такой же общий топос. Ведь топос, напомним, определяется только отличием от других топосов. Поэтому нельзя подвести время под понятие пространства, сказав, что время это пространство, помеченное событием. Различие времени и пространства это топическое различие, под которое можно подвести много других различий, определяя одни как пространственные, а другие как временные. Асимметрия времени и пространства по отношению к событию определяется структурой асимметрии события, о которой мы говорили выше: из двух топически эквивалентных имен одно связывается с событием, а другое отталкивается от события. Мы видели это в случае знака и значения, истины и лжи, бытия и небытия, а теперь видим у пространства и времени. Время помечено событием только относительно с пространством: чтобы увидеть, что событие временится нужно иметь в виду также голое пространство без событий и без времени — не абсолютное пространство науки как первоземлю и первособытие, а пространство как симметрию определенности, не допускающую никакого выбора и вместе с тем никакого принуждения, никакой случайности и никакой необходимости, никакого произвола и никакой логики, никакой истины и лжи, никакой ценности, никакой первичности и вторичности, никакого "лучше" и "хуже", "более" и "менее", добра и зла — не допускающую все это иначе чем в качестве симметричных топосов. Нужно увидеть пространство как среду. И мы не можем говорить о среде, иначе, чем противопоставляя ее событию, иначе, чем указывая в паре топосов на тот, который не помечен событием, или, правильнее сказать, помечен событием отрицательно. Ведь и к слову как топосу языка мы приходим через знак речи, и к самому языку прикасаемся через ложные речи, через "пустые слова" (ср. тему литературы и зла¹³).

Поэтому наше различие события и среды это, конечно, тоже топическое различие, различие двух топосов, помеченное событием. Среда как таковая так же неуловима как и событие и нелепо было бы даже пытаться их уловить в речи и в словах — ведь речь это событие, а слова это топосы, и мы не можем ни говорить без слов, ни иметь дело со словами без речи.

¹³ Ж.Батай Литература и зло